

Педисексовы - 2000. - 14 окт. - с. 10.

Георгий Адамович (1892 - 1972) - литератор "первой волны эмиграции". Приятель и ученик Н. Гумилева, он покинул родину в 1923 году. Известен, в основном, как поэт, хотя написал немного в стихах, два сборника вышли в России да два на Западе. Тем не менее, именно он - создатель направления, получившего название "Парижская нота". К его мнению прислушивались, недаром Адамович стал составителем эмигрантской поэтической антологии "Якорь".

Но прославился он другим: литературной критикой. Почти каждую неделю появлялись его статьи о вновь вышедших или прочитанных книгах (некоторые из них в переработанном виде позднее вошли в его книги). Обыкновенно литературная критика умирает на следующий день - новые и новые издания ждут оценки... А вот Адамовича интересно прочесть и много лет спустя - вероятно, в его печатных размышлениях было что-то живое, вечное. Иначе говоря, настоящая литература.

Собеседник

В. Набоков в своем романе "Дар" вывел пародийный образ Адамовича в лице Христофора Мортуса, довольно метко импровизируя манеру последнего: "Не помню, кто, кажется, Розанов говорит где-то", - начинал, крадучись, Мортус; и привел сперва эту недостоверную цитату, потом какую-то мысль, кем-то высказанную в парижском кафе после чьей-то лекции, начинал суживать эти искусственные круги..."

Для сравнения посмотрим, как пишет Адамович на самом деле: "У Андерсена - не ручаюсь, что именно у него, - кто-то говорит: "Бог задумал мир в простоте. Все, что нас смущает в жизни, - от дьявола". Это очень естественная и даже глубокая мысль". Не правда ли, похоже?

Впрочем, рядового читателя не так волновала приблизительность цитаты-посылки, сколько ценил он манеру - с ним беседуют на равных (не поучают его или не уязвляют кого-то). Критик не боялся искать нужное слово на ходу, обращаясь за советом непосредственно к читателю. Например, о Б. Зайцеве, относимом критиком к "ангельской" линии литературы, писал: "Не знаю, как лучше сказать: поэзия, сладость, вдохновение - все не то". Бродя вокруг темы, он не страшился повторов и противоречий. Иногда, увлекшись буреваемыми мыслями, критик не успевал рассказать о писателе, которого, в сущности, собирался рецензировать. И поэтому не ис-

ключение, когда очередное эссе завершается словами: "О статье Ж. Кесселя - в следующей раз" или "О романе Клычкова, поневоле, до следующего раза".

Импрессионистические писания Адамовича и впрямь трудно определить в жанровом отношении: рецензия зачастую переходит в статью, статья - в мемуары или разговор о жизни "вообще". Сам Адамович свои печатные выступления именовал "Литературными беседами".

К такой форме он пришел (и то не сразу) в "Звене" - газете, которую редактировал М. Винавер, - единственной литературной газете русского зарубежья. Он начал с ней сотрудничать в 1923 году - сразу, как оказался за рубежом. "Литературные беседы" задуманы были как обзор печатных новинок - неважно, в периодике ли они появились или в виде книг, по ту сторону кордона или по эту, на русском языке это напечатано или на каком-либо ином. Выбор темы, естественно, был за Адамовичем.

Кажется, что, живя во Франции (и прекрасно владея французским языком), он обязан писать о заграничье только положительно. Но это не так. Он развенчивает "галльскую ясность", удивительно быстро охладевшую к Ибсену. О переводах Пушкина на французский, у которого уходит главное с уходом звуков и словесных сочетаний, отзывался, мягко выражаясь, неодобрительно: "Переводы и

Пушкина читаешь с растерянностью, со смятением, с жалостью и недоумением - эти слова здесь самые подходящие". О французской критике Адамович также был невысокого мнения - она почти никогда не высказывается о писателе отрицательно: "Есть, несомненно, в этом доля вежливости, благовоспитанности, нежелания портить отношения. Но более глубокой причиной является, вероятно, сознание, что ничем делу не помочь, усталость и безразличие...". У русских другие традиции, говорит Адамович, и нет никаких прав на чрезмерную усталость. Однако соотечественникам тоже достается. Во Франции ни-

правде говоря, он недолюбливал, ставил выше всей советской поэтической братии, "слушавшей музыку революции". Ибо у Маяковского "есть напряженность, есть мрачная ирония, выдающая утомление раз и навсегда принятой позой". В то же время Адамович явно недооценивал (часто отзывался негативно) Волошина, Есенина, Цветаеву, Шкловского, Серapiоновых братьев, в некоторых своих ошибках он позднее не стеснялся признаться.

Но отнюдь не громкими именами интересны "Литературные беседы". Пожалуй, любопытнее всего, когда речь идет о явлениях и литераторах незначительных, канувших в Лету. Как же без них? Это своего рода литературная летопись или путеводитель по словесности той эпохи. Статьи критического дневника Адамовича, собранные вместе, образуют книгу, куда более интересную нам, чем современникам, читавшим материалы порознь.

И еще чем привлекателен Адамович: он никогда не знал точного ответа, все подвергал сомнению. В его разговорах вопросов больше, нежели ответов. Здесь он солидарен с И. Анненским, считавшим, что в "идее, пока она жива, то есть пока она - идея, неизменно вибрирует и возрастая ее сомнение - возражения осилены, но они не убиты".

Есть еще одно достоинство у прозы Г. Адамовича. Мы знаем, что он поэт, может, в первую очередь поэт. Этим объясняется его особое внимание к слову, художественность письма, избегание речевых штампов. И поэтому все, что подписано этим именем, будет, смею думать, прочитано с неослабевающим интересом во все времена. Дабы не быть голословным, приведу несколько примеров. К стати, эти выписки, надеюсь, дадут представление о стиле Адамовича-критика.

"У Белого в руках не кисть, а помело, и мажет он им хоть и не без вдохновения, но как попало и куда попало". "Читая такие фразы, будто видишь самого Ник. Смирнова, и, правда, по ним можно написать характеристику человека, самодовольного и недалекого". О рассказах Бабеля: "Они отмечены тоской, настолько глубокой, суровой и беспредельной, что она возвышается над всей молодой русской беллетристикой, как единственное в ней значительное явление".

Анатолий ИВАНОВ.